

Подуло свежим Ветровым

*Независимая газета,
— 2002, — 3 июля, — с. 8*

Бывший премьер Большого танцует французский шансон

Майя Крылова

Александр Ветров курит трубку, носит маленькую бороду и живет в Техасе. А еще он — один из лучших танцовщиков Большого театра поколения 80–90-х годов. Такого великолепного Тибальда в «Ромео и Джульетте», Абдуррахмана в «Раймонде» или Петруччио в «Укрощении строптивой» я не видела давно. С момента отъезда Саши в Америку, где он сначала танцевал в балете Арлингтона, а теперь стал и артистическим директором этой труппы.

Проект продюсеров «Новой оперы» пришлось весьма кстати: стоило закрыть столичный театральный сезон гастролями танцовщика такого класса. А всем, кто знает и помнит танец

Ветрова, необычайно интересно увидеть сорокалетнего артиста после отсутствия. И было отрадно, что артист, во-первых, по-прежнему в отличной профессиональной форме, а во-вторых, его классика удачно обогатилась приемами модерн-данса, разученного в Штатах.

Для московских выступлений Ветров выбрал известную у нас «Кармен-сюиту» и неизвестный балет француза Эди Тюссо «Бонжур, Брель!». В обоих опусах танцевала Ольга Павлова, работающая в Театре классического балета. Французский спектакль для балерины подошел — лирический юмор и отчаяние хореографии она без труда почувствовала и передала. А в «Кармен», на сборном составе исполнителей которой словно было написано крупными буквами «мало было репетиций!»,

получилось наоборот. Павлова из всех сил боролась с собственным амплуа, пытаясь создать страсть жестом и движением, но все равно не покидало ощущение, что если бы эту ровно дышащую «соблазнительницу» подогреть градусов на пятьдесят, да еще посыпать перчиком, вот тогда бы классическая балерина, глядишь, и спряталась, и появилась бы раскованная Кармен...

Спектакль держался на исполнителе роли Хозе. Он танцевал так музыкально, что немедленно захотелось бежать в магазин, купить и «карменистые» записи Бизе—Щедрина, и шансоны, пробудившие зверскую ностальгию по Парижу. Герой Ветрова и Мериме был психологически драматизирован ровно в той степени, что дает соединение всех необходимых факторов: школы и театраль-

ных традиций Большого театра, романтической бурности литературного первоисточника и жестко-сдержанной хореографии Альберто Алонсо. А в балете «Бонжур, Брель!» всем показалось, что хореограф сделал роль безымянного парижанина специально на Ветрова: настолько органичен он был в этой паутине влечений и недосказанности, набросив высокую ясность своего танца на обманчиво простую, даже вроде бы незатейливую неоклассическую хореографию. Артист танцует так, как поет Жак Брель, как вообще звучит французский шансон — впадая, «как в ересь, в нелыханную простоту».

Оказалось, что французский балет сочинен давно, но сам автор, увидев Ветрова в своем спектакле, сказал то же самое: мне кажется, что я поставил это для тебя. ■